Кононов С.В.**Зарубежные исследования социальной безопасности в российско-китайском приграничье**

*Дальневосточное высшее общеобразовательное командное училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского
(Россия, Благовещенск)*

doi: 10.18411/sr-10-04-2021-94

Аннотация

Целью исследования проведение концептуализации дискурса западных исследований, посвященных аспектам социальной безопасности российско-китайского приграничья. В статье проведено выделение аспектов социальной безопасности в западных описаниях российско-китайского приграничья в XVII-XIX вв.; определение степени влияния политической конъюнктуры на интерпретации социальной безопасности российско-китайского приграничья; анализ современных трансформаций критической концепции социального развития приграничных российско-китайских территорий в XXI в.

Ключевые слова: Социальная безопасность, Китай, Россия, российско-китайское приграничье, западные исследования российско-китайского взаимодействия, критическая концепция социальной безопасности российско-китайского приграничья.

Проблема социальной безопасности приграничных регионов России и Китая представляет актуальную тему исследований российской, а также зарубежной англоязычной и китайской историографии. Общий контекст этих произведений посвящается анализу процессов взаимодействия Китая и России, и затрагивает различные аспекты влияния этих государств на окружающие социальные пространства. Среди этих направлений значимое место занимает зарубежная историография, в рамках которой были составлены наиболее ранние описания Китая и окружающих его социальных пространств. Несмотря на то, что в рамках этих исследований на Западе социальная безопасность российско-китайского приграничья не составила специального предмета исследования, различные ее аспекты представлены в публикациях, посвященных теме российско-китайского взаимодействия, а также взаимодействия западных стран и Китая. При этом, в отличие от российских и китайских авторов, находящихся в рамках этого процесса, западные исследователи предлагают свои подходы, методы и мировоззренческую оценку, отличием которой является взгляд извне, с учетом западной научной методологии, а также теорий, представлений и ценностей.

Обсуждение данной темы сопровождало всю историю формирования западных исследований Китая и окружающих его территорий, в течение которой оценки влияния этой страны на окружающие социальные пространства претерпевали существенные трансформации. Одной из первых оценок состояния социальной безопасности территорий, сегодня входящих в регион российско-китайского приграничья, можно считать описания путешественников, таких как М. Поло, Дж. Мандевиль, распространявших идеализированный образ Китая. В конце XIX – нач. XX в. благодаря распространению методологии, основанной на принципах позитивизма Китай стал связываться с научными исследованиями, основой которых являлся эмпирический материал, избавленный от аналитических комментариев, и мировоззренческих оценок. Такие представления отражали содержание работ Г. Говена, М. П. Прайса, Г. Б. Морзе [1], которое определялось описанием политических операций, развития экономики в приграничных территориях, железнодорожного строительства, военных операциях, боксерском восстании.

С сер. XX в. развитие западного понимания проблемы социальной безопасности в российско-китайском приграничье оказалось зависимым от политической конъюнктуры, которая стала определять описание российско-китайских отношений, понимаемых теперь главным образом, в контексте идеологии противостояния цивилизаций Востока и Запада. От отстраненных от мировоззренческих оценок позитивистских исследований авторы публикаций, посвященных российско-китайскому взаимодействию, перешли к произведениям, содержащим концептуальный анализ, содержащий жёсткую критику российской политики в российско-китайском приграничье. В этом контексте социальная безопасность российско-китайского приграничья на Западе понималась только как проблема внешней политики, международных отношений и борьбы России и Китая за влияние в Восточноазиатском регионе.

В частности это касается публикаций Г. Б. Морзе, который в начале 30-х гг. XX в. [5], выпустил новый вариант исследования о российско-китайском взаимодействии, где были дана негативная оценка российской политики на Дальнем Востоке. Проблемы русско-китайских отношений в этот период трактовались только через призму концепции российской экспансии, предполагающей оценку любых российских действий только как агрессии в отношении Китая и его населения, проживавшего в приграничных территориях. В течение 50-х гг. вышел целый ряд исследований, направленных на разоблачение политики России на Дальнем Востоке. Неоднозначными моментами истории взаимодействия между Россией и Китаем были посвящены работы Д. Даллина, П. Клайда, А. Улара, Р. Ли, Ч. Тана, которые обосновывали реальность «желтой опасности» для российского Дальнего Востока. Они писали о слабых позициях России на Дальнем Востоке, о ходе военного противостояния между Китаем и Россией. В публикациях Дж. Стефана и Дж. Форсайта проанализированы противоречия, которые возникли в результате имперской политики России в Маньчжурии [3].

На рубеже 60-х гг. XX в. в связи с временным потеплением отношений между Советским Союзом и западными странами ознаменовались появлением аспектов признания позитивной роли России на Дальнем Востоке в работах А. Малоземова, Дж. Ленсена, Э. Клабба, которые анализируют противоречия между невысоким экономическим потенциалом и значительными политическими претензиями России на Дальнем Востоке. Однако делая общие выводы и уделяя внимание такой проблеме как «желтая опасность», которую ощутили западные страны в это время, они, в то же время писали о том, что Россия может стать силой, способной спасти Европу от угрозы «китайского нашествия». Эта же идея прослеживается в публикациях В. Коларза и Дж. Колмаса, где позитивно оценивалась внешне политика России на Тибете и в Маньчжурии. Однако в 70-80-е гг. XX в. в связи с обострением «холодной войны» оценки политики России на Восток со стороны западных исследователей вновь приобрели более жесткий и односторонний характер. В частности, дальневосточную политику России как тупик описывают Я. Ниш, Д. Макдональд, С. Пэйн, Р. Квестид [6], характеризующие внешнюю политику России как агрессию, нацеленную на аннексию китайских территорий.

В современной западной историографии продолжает уделяться внимание вопросам и проблемам российско-китайских отношений. При этом вывод, который напрашивается на основании содержания этих исследований, заключается в том, что российско-китайские отношения воспринимаются западными исследователями, как важнейший фактор социального развития приграничных регионов. Такие исследователи, как Ш. У. Гарнетт, П. Хопкирк, Д. Уинтл, Д. С. ван дер Ойе, С. Г. Маркс и С. Коткин [4], рассматривают проблематику российско-китайского взаимодействия исходя из концепции столкновения цивилизаций Востока и Запада, где Китай и Россия представляют разные аспекты цивилизации Востока, что и является причиной отставания развития общества в данном регионе. Вопросы российско-китайского

противостояния, которым посвящены работы по исследованию приграничных с Китаем районов российской Сибири и Азии в их публикациях освещаются в рамках критической концепции, утверждающей реальность аннексии территорий Китая со стороны России. Эта концепция основана на положении о том, что Россия стремилась к установлению своих границ на Востоке, где как пишут С. Пэйн и Ш. Гаммет, Е. Олвоз, она проводила кампании по их расширению, однако усилий для их социального развития не прилагала.

Таким образом, на Западе за последние десятилетия XX в. сформировалась критическая концепция социального развития приграничных российско-китайских территорий. Согласно этой концепции, Россия является слабым агрессором на колонизованных землях, которые удерживаются с помощью военной силы, но не развиваются и не используются. В силу этого, формулируется принцип западных исследований социальной безопасности в российско-китайском приграничье, который заключается в утверждении о том, что изменения социальной структуры российского китайского приграничья, являются элементом действия обширной системы мирового порядка, который в современных условиях представляет «однополярный мир». В рамках этой концепции Россия представляет не реальную геополитическую силу, а угрозу, которая должна быть устранена с помощью сил «однополярного мира».

В начале XXI в. проблемы социальной безопасности российско-китайского приграничья стали одним из аспектов политических исследований З. Бжезинского, Дж. Бланка, Г. Киссинджера, М. Тэтчер, М. Олбрайт, М. Харрисона [2]. Их публикации содержат много общих позиций, отражающих очевидный антироссийский контекст, заключенный в идее о том, что ведущим игроком, который формирует социальную ситуацию на территории приграничья между Россией и Китаем являются США. При этом в силу того, что власть этого государства над представленными территориями не является очевидной, США должны использовать имеющееся в регионе противостояние между Россией и Китаем для установления последующего контроля над ним. Данная ситуация по мнению западных авторов, является разрешимой, только с учетом того, что такой участник приграничного взаимодействия, как Китай, понимает необходимость обеспечения социальной безопасности и вносит свой посильный вклад в становление этой социальной системы. Поэтому, достижение этой цели возможно только в случае организации стратегического сотрудничества США с КНР [8]. Такие же положения доказываются экспертами, С. Д. Бланк, Б. Ло, М. Фрейре, С. Арисом, Т. Гомаром, Г. Розманом, Э. Вишник [7], отмечающими, что в Китае воспринимают Россию только в качестве ресурса и подчиненной силы, используемой для проведения своей политической и экономической стратегии, которые пишут об оттеснении России на периферию регионального взаимодействия. Поэтому современная концепция западных авторов в отношении проблем региона российско-китайского приграничья трансформируется в сторону признания самостоятельности этого регионального пространства, и зависимости его не столько от трендов глобалистики, сколько от влияния восточно-азиатских игроков, ведущим среди которых является Китай.

Выводы.

Современные тенденции развития западной методологии исследований социальной безопасности в рамках российско-китайского приграничья направлены на обоснование такой модели социальной безопасности региона, в рамках которой он должен развиваться, подчиняясь общему процессу развития мировой цивилизации в рамках глобализационного процесса, направляющего региональное развитие на включение в свои ареалы. При этом обратная тенденция, представляющая процесс социального развития региона, основанный на региональных социальных ценностях, по отношению к российско-китайскому приграничью оценивается, как угроза социальному развитию. Это входит в противоречие с теоретическими положениями

современного научного дискурса, которые доказываются А. Ачарья, Бузаном, Д. Лейком, Дж. Ньюманом [25], выступающими с требованиями, согласно которым состояние социальной безопасности регионов не может только конструироваться, так как оно имеет объективные параметры своей структуры и реальные проблемы и тенденции развития. Поэтому становится очевидным, что практическое значение для организации современных исследований социальной безопасности российско-китайского приграничья, должна иметь реализация модели исследований основанная на методология структурного реализма, учитывающего положения как инструменталистских и конструктивистских концепций, так и положения цивилизационного и системного подходов, в которых отражались актуальные проблемы современности и угрозы выживанию региональных сообществ.

1. Морзе Х.Б. Международные отношения Китайской империи. Нью-Йорк: Изд-во Нью-Йорк, 1918. 1570 с.
2. Харрисон М. «Спотыкающийся медведь, парящий дракон: мог ли Советский Союз пойти по китайскому пути? // Вестник Европы. 2014. № 38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2014/39>
3. Forsyth J. A History of the Peoples of Seberia. Russia's North Asian colony 1581-1990. Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. - XX, 455 с.
4. Kotkin S. Manchurian Railways and the Opening of China: An International History. Armonk; NY, 2010. 235 p.
5. Morse H.B. MacNair H.F. Far Eastern international relations. Boston: Houghton Mifflin and Company. 1931. 846 p.
6. Quested R.K.I. «Matey» imperialists. The Tsarist Russians in Manchuria 1895–1917. Hong-Kong: Centre of Asian Studies, 1982. 430 pp.
7. Wishnick E. The New China-Russia-U.S. Triangle // NBR Analysis Brief. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/43545459/The_New_China_Russia_U_S_Triangle
8. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. С. 10003.

Kovaleva M.V.

The problem of creativity as a way of realizing culture in Russian religious philosophy of the late XIX - early XX centuries

*Kursk State and Municipal Service Academy
(Russia, Kursk)*

doi: 10.18411/sr-10-04-2021-95

Abstract

This article is devoted to the problem of the creativity. This problem is one of the most emotional and mysterious. Russian religious philosophers try to make sense of human existence through the creation. Understanding of the opportunities and the ways of realization of creativity in culture has cultural and philosophical implications for understanding the dynamics of culture in early 20s.

Keywords: culture, religious philosophers, creation, value

Russian religious philosophers recognize the transcendent principle in man, and as a result, they interpret culture as the embodiment of absolute values. The denial of absolute values, in their opinion, leads to nihilism. However, to be absolutely kind is an impossible task, to be absolutely wise is infinite, and man is a finite being.

Understanding of man as endowed with divine potentiality, faith in reality and the creative power of the due lead Russian religious philosophers to comprehend the way of introducing man to absolute values, this is associated with an attempt to understand and describe the phenomenon of creativity. It should be noted that in the course of studying the